

КАТЕРИНА ШВЕЦОВА

ДОРОЖНОЕ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

16+

Катерина Швецова

Дорожное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57579739

SelfPub; 2020

Аннотация

В сборник вошли четыре рассказа: "Аэрофобия", "Машина времени", "Чудь" и "Мадонна". Они не похожи друг на друга, написаны с разным настроением и в разное время, но объединяет их одно – все они о том особенном чувстве дороги, которое сопровождает любое путешествие. Суета аэропорта, звуки вокзала и минуты, которые можно провести наедине с собой, наблюдая, впитывая, наслаждаясь жизнью.

Содержание

АЭРОФОБИЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

11

АЭРОФОБИЯ

Что только не приходит в голову во время полета. Видимо, так подсознание пытается отвлечь меня от «управления» воздушным судном, чем я с упоением занимаюсь каждый раз, оказавшись на борту самолета.

Я аэрофоб со стажем. Начитавшись профильной литературы, мемуаров бывших и действующих летчиков гражданской авиации, увы, не вздохнула с облегчением. Да и изучала все это только ради того, чтобы в полете точно знать, что происходит, и лететь, не вздрагивая от малейшей вибрации фюзеляжа и не взирая со священным ужасом на трепещущие при посадке закрылки. Я даже сходила не несколько занятий на настоящем авиационном симуляторе. Но полученные навыки принесли не облегчение, наоборот – теперь во время полета мой мозг генерирует мысли о том, что происходит с самолетом в каждый конкретный момент. Это мучительно и крайне утомляет. Куда охотней я бы обзавелась знанием о том, как при первом контакте с креслом в салоне самолета накрыть лицо газетой и сладко уснуть. Но это, видимо, недоступная для меня роскошь, и робкая надежда на то, что в прошлой жизни я была невозмутимым монахом, не выдерживала никакой критики. Зато каждый раз, когда покупала билет, знала, что на борту будет еще один «пилот под при-

крытием», надежный товарищ, который своевременно включит реверс, проследит за тангажом и углом атаки и в ответственный момент не отвлечётся на курицу или рыбу.

Надо сказать, что однажды знания мне все-таки пригодились. По пути из Катара в Москву возле меня оказалась девочка лет десяти, которая шла из хвоста самолета на свое место, но из-за сильной турбулентности была вынуждена сесть в первое попавшееся кресло. Она выглядела напуганной не меньше меня – самолет кидало из стороны в сторону в густых серых облаках, и минутой раньше командир летной бригады попросил всех вернуться на места и пристегнуть ремни. Ох, как же мне это не нравилось – и так страшно, а они как будто подчеркивают: «Ребята, болтанка серьезная, мы вообще не знаем, чем это все кончится...» Б-р-р-р-р! Бедный ребенок сел на первое попавшееся пустое место, и я помогла ей пристегнуться. Из соседнего ряда нам помахала ее мама, я дружелюбно улыбнулась: «Все будет хорошо, не переживайте, мы тут повеселимся, в системе развлечений на борту как раз началась новая серия Свинки Пеппы». Девочку звали Диана, мы немного поиронизировали по поводу созвучности наших имен, а потом я неожиданно для себя начала рассказывать ей, почему надо пристегиваться во время полета, почему могут задержать вылет самолета, почему турбулентность ему не страшна и почему мы не сели сразу, а кружили над аэропортом. Вот, пожалуй, единственный случай, когда мои знания помогли не только мне. Почему-то уверена, что с того полета

моя славная попутчица летает без страха. Я была чертовски убедительна! Закралась даже шальная мысль – а вдруг она станет стюардессой? Или даже пилотом. А что, сейчас это не редкость.

Мой первый полет состоялся в девяностые, когда мне едва исполнилось четырнадцать лет. Я серьезно занималась художественной гимнастикой, и за победу в соревновании, которое проходило в заполярном городе Апатиты, нашей команде подарили авиаперелет до Москвы. До места соревнований мы ехали на поезде, и желания трястись еще и обратно на неудобных полках, разумеется, ни у кого не было. Но счастливицами стали только пять спортсменов и две наставницы, сопровождавшие нас. Замирая от восторга и ужаса, я сидела в аэропорту, который представлял собой небольшое здание посреди взлетного поля, а вокруг царствовала крошечная темнота полярной ночи. Откуда-то из этой бархатной угольной неизвестности вышел человек и зычно объявил посадку на рейс до Москвы. Мы вышли, вдалеке стоял белый самолет, и до него предполагалось бежать по снежным заносам со всем нашим багажом. После целого дня соревнований, волнений и ожидания это был, фактически, последний рывок. Мы побежали прямо по полю. У матерчатого чемоданчика – верного моего спутника – оторвалась ручка. Я обняла его двумя руками, двигаться стало совсем трудно. К трапу прибежала последняя, боясь, что меня не заметят в

этой мгле и улетят.

До этого момента я ни разу не видела самолет так близко, только в небе или по телевизору. Картина потрясла меня. Винтовой АН-24 казался огромным, трап улетал вверх шаткими ступенями почти по вертикали, в проеме двери стояла стюардесса в накинутом на плечи тулупчике и тянула мне руку. Из последних сил я рванула к двери, стюардесса ловко подхватила мой багаж, и он исчез где-то в недрах стальной птички. До посадки в Быково я его больше не видела.

В салоне было тепло, горел мягкий желтый свет, свободных мест – хоть отбавляй. Я села у замерзшего круглого иллюминатора, в который видела крыло. Практически сразу двери закрылись, гулко взревели двигатели, вращавшие лопасти винтов с бешеной скоростью, и мы неожиданно легко двинулись в начало взлетно-посадочной полосы. Минута-другая, и мы поднялись в воздух.

С соседнего ряда мне что-то пыталась сказать Ритка – мой товарищ по команде, веселая и добрая девчонка, которая, зная, что я лечу впервые, старалась меня подбодрить. Но шум был чудовищный, и я лишь пожимала плечами. Тогда Ритка устроила целую пантомиму, из которой я усвоила, что даже если в воздухе откажут оба винта, мы не рухнем на землю, а спланируем куда-нибудь. Я махнула рукой, чтобы она от меня отстала, но где-то внутри кто-то словно слегка ослабил натянутые струны страха.

В полете ничего интересного не происходило, за окном

клубилась ночь пополам со снегом, и я хорошо поспала. Открыла глаза уже на подлете к Москве. Моему взору открылась одна из самых фантастических картин, которые я видела – под самолетом, сколько хватало взгляда, расстилось рябое море облаков, окрашенных в самые нежные оттенки красного, желтого, оранжевого. Все остальное пространство заполняла лазурь неба, уходящая синим спектром в бездну космоса. Нос машины слегка задрался, а потом нырнул к этим восхитительным облакам, завалился на правый бок, так, что я смогла их рассмотреть еще лучше, и повторил маневр. Мы словно стремительно катались на идеально залитой горке, и это так напоминало игру, что где-то в области солнечного сплетения надулся огромный шар, который мешал дышать и двигаться. Я остолбенела от восторга. Достигнув максимального размера, шар разбился вдребезги и разлетелся по телу мурашками. Я кричала про себя слова, услышанные в недавно просмотренном фильме «Титаник»: «I'm king of the world! I'm king of the world!». После того полета я дала себе слово, что постараюсь летать как можно больше, потому что с этим не может сравниться ничего. Хотя от шума винта правое ухо у меня болело еще дня три...

Давно распрощавшись с большим спортом из-за травмы, как это часто бывает, я выучилась на искусствоведа, затем на переводчика, и до поры судьба не предоставляла мне возможности испытать снова ту чистую радость полета. Ровно

до того времени, когда я стала востребованным специалистом, и деятельность моя окончательно закрепила за консалтингом в сфере предметов искусства. Я стала частым гостем на зарубежных выставках и аукционах, полеты тоже участились. Только удовольствия не приносили и постепенно превратились в мучение. Я даже помню, что именно послужило причиной моей аэрофобии – один из первых перелетов из Цюриха оказался непростым.

Было ощущение, что мы не можем подняться, ремни не разрешали отстёгивать, полтора часа с момента взлета самолет силится набрать высоту. Ревел, сопротивлялся... Я посмотрела на стюардессу – она сидела пристегнутая к креслу и жевала шоколадку. Заметив ужас в моих глазах, улыбнулась, и на ее зубах я увидела шоколад. Она пыталась меня рассмешить, но мне стало еще хуже. В голове пульсировала мысль: «АН-24 может спланировать при двух неработающих винтах на любое поле, “Аэробус” такой возможностью не обладает, у него турбины... да и тут только горы, горы, горы». Ах, Ритка, если бы не твое кривляние много лет назад...

С тех пор прошли годы, я летаю по всему миру – примирила себя с полетами. Еду в аэропорт с удовольствием. Мне нравится дух перемен, свободы, возможностей, мне нравятся здания аэропортов, наполненные разным ожиданием людей. Мне радостно и хорошо вплоть до того момента, как я поднимаюсь на борт. И в очередной раз, уезжая из Нью-Йорка или Лондона с ощущением полного удовлетворения

своей работой, я готовлю себя к полету, который сулит стать настоящей пыткой. Мои мысли опять будут клубиться, как облака над вулканом.

А дальше «Боинг» или «Аэробус» наберет высоту, вставая на нужный эшелон, пилоты отключат табло «Пристегните ремни», и я немного успокоюсь – начался самый безопасный этап полета. Если не попадем в зону турбулентности, я смогу почитать без замирания сердца и мокрых от ужаса ладоней.

До вылета сорок минут, формальности позади. Получив посадочный талон, я направилась в зону таможенного досмотра, как вдруг до меня донеслись крики: «Мадам Лебедь Ева, мисс, мисс!» Меня подбросило – это же меня зовут! Моя фамилия – Лебедева, просто слышится, как Лебедь Ева. Меня догнала красивая француженка в форме с каким-то бланком в руке. Оказалось, что на мой рейс в эконом-классе случился «овербук», то есть места для меня в самолете нет, а посадочный билет выдали по ошибке. Вот вам, мадам Лебедь, новый талон с местом в бизнес-классе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.